

УДК 327.8(47+55)|1941|

НАЧАЛО НЕСЧАСТНОГО ДНЯ ШАХРИВАРА: ПРИЕМ В. М. МОЛОТОВЫМ ИРАНСКОГО ПОСЛА 25 АВГУСТА 1941 ГОДА

Ю. Г. Голуб

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail : goloub@sgu.ru

В статье на основе документов из Архива внешней политики Российской Федерации рассматривается характер и содержание встречи народного комиссара по иностранным делам СССР В. М. Молотова с послом Ирана в Москве М. Саедом, состоявшейся 25 августа 1941 г., на которой Молотов проинформировал посла о вводе советских войск в Иран и вручил соответствующую ноту.

Ключевые слова: Иран, СССР, Великобритания, Германия, Молотов, Саед, дипломатия, Вторая мировая война.

**The Beginning of Shahrewar's Unfortunate Day :
V. M. Molotov's Audience with the Iranian Ambassador
on the 25th of August, 1941**

Yu. G. Golub

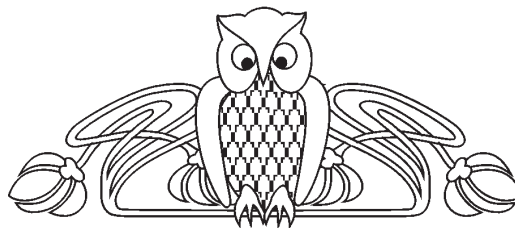
The tone and content of the USSR People's commissar for foreign affairs V. M. Molotov's meeting with the Iranian Ambassador in Moscow M. Say'ed, which took place on the 25th of August, 1941, and when Molotov informed the Ambassador about the entrance of the Soviet troops in Iran and handed the respective note, are examined in the article on the basis of materials of the Russian Federation's Foreign Policy Archive.

Key words: Iran, USSR, Great Britain, Germany, Molotov, Say'ed, diplomacy, Second World War.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-324-328

Нейтралитет, провозглашенный Ираном с началом Второй мировой войны, не избавил иранское государство от вовлеченности в набирающее силу глобальное противоборство. Важное стратегическое положение на Среднем Востоке и огромные залежи нефти не могли не сделать эту страну объектом соперничества воюющих держав, стремившихся всемерно упрочить свое влияние в этом регионе. Тем более, что и Британская империя, и Российская империя (а впоследствии и Советский Союз) традиционно были вовлечены в иранские дела. Со второй половины 1930-х гг. началось интенсивное укрепление позиций в Иране нацистской Германии. Активизировали свою политику в отношении этой страны и Соединенные Штаты Америки¹.

Нападение Германии на СССР и первоначальные успехи вермахта на советско-германском фронте, создававшие угрозу выхода к Кавказу, вызвали обеспокоенность Лондона и Москвы немецким присутствием в Иране и позицией его

правительства, не особенно пытавшегося скрывать свои симпатии к Берлину. Началась весьма энергичная и непростая дипломатическая схватка за предпочтения Тегерана, продолжавшаяся без малого два летних месяца и вылившаяся, в конечном счете, в силовую акцию советских и британских войск в Иране. Рубежом, отделившим политические усилия от военного вмешательства, стал несчастный день шахривара, как называют в Иране события 25 августа 1941 г.

Этот день только начинался, была еще глубокая ночь, когда в особняке на Покровском бульваре в Москве, в котором располагалось иранское посольство, раздался телефонный звонок. Встревоженному послу Мухаммеду Саеду² было предложено безотлагательно прибыть в Кремль³. В контексте происходивших в те августовские дни бурных дипломатических баталий между Москвой и Тегераном столь экстренное приглашение не могло не вызвать беспокойства. Дело в том, что неделей раньше, утром 16 августа, советский посол А. Смирнов в Тегеране вручил премьер-министру А. Мансуру ноту советского правительства, содержащую наряду с уверениями уважения нейтралитета, суверенитета и территориальной целостности Ирана и ряд весьма жестких требований, а именно о немедленной депортации до 31 августа четырех пятых находившихся в стране немцев⁴. Вечером аналогичную ноту вручил иранскому премьеру и посол Великобритании Р. Буллард⁵.

Быстрой реакции на фактический ультиматум союзников со стороны Тегерана не последовало. По свидетельству посла Соединенных Штатов в Иране Л. Дрейфуса, который спустя два дня имел продолжительную беседу с исполнявшим обязанности министра иностранных дел Д. Амери, он получил «определенное впечатление, что иранцы маневрируют, тянут время, не осознавая всю серьезность своего положения». Казалось, что они «ищут волшебную формулу, способную удовлетворить все стороны, – заметил посол в телеграмме в Вашингтон и добавил. – Если они... не взглянут в лицо реальной ситуации, возможно через несколько дней они поймут, что уже слишком поздно»⁶. Оценка американского дипломата оказалась на редкость прозорливой, но это станет очевидным чуть позже...

Весь этот калейдоскоп событий не мог не промелькнуть в сознании посла Саеда, пока его автомобиль мчался по ночной Москве. Солидный дипломатический опыт и давнее знание России

подсказывали ему, что наступает решающий момент.

Путь с Покровского бульвара до Кремля занял не более пятнадцати минут. С недобрим предчувствием высокопоставленный иранский дипломат поднялся на второй этаж здания совнаркома, где находились служебные апартаменты высших советских руководителей. В 3.30 он вошел в кабинет В. М. Молотова⁷, занимавшего посты заместителя главы советского правительства и наркома иностранных дел и бывшего фактически вторым после Сталина официальным лицом Советского Союза.

Хранящаяся в Архиве внешней политики Российской Федерации в фонде Секретариата В. М. Молотова подробная запись его беседы с М. Саедом позволяет с достаточной полнотой передать характер и содержание этого весьма непростоого разговора.

Молотов сразу же заявил, что вызвал посла для того, чтобы вручить ноту советского правительства⁸. Передав документ и предваряя ознакомление иранского дипломата с его содержанием, хозяин кабинета посчитал необходимым сказать несколько слов. Нарком начал с того, что напомнил дипломату, что советское правительство несколько раз в течение последних двух месяцев обращалось к правительству Ирана, выражая пожелание принять меры к прекращению враждебной в отношении СССР и Ирана деятельности немцев на территории этой страны. В этой связи Молотов упомянул демарш советского правительства от 26 июня, демарши советского правительства и правительства Великобритании от 19 июля и 16 августа. В этих документах Москва, сообщая иранскому правительству о враждебной деятельности германских агентов в Иране и о подготовке ими актов, угрожавших интересам Советского Союза и самого Ирана, ставила перед иранскими властями вопрос о необходимости принятия самых срочных мер к ее прекращению. Однако иранское правительство, продолжал Молотов, не дало положительного ответа на эти представления и не приняло никаких мер к прекращению враждебной, направленной против СССР деятельности немцев на территории своей страны. В переданной только что ноте, отметил руководитель советского внешнеполитического ведомства, приведены конкретные факты, хорошо известные Тегерану, враждебных действий немцев по вовлечению Ирана в войну против СССР⁹.

После этой преамбулы Молотов перешел к главному, ради чего собственно и был столь экстренно приглашен посол Саед. «Учитывая эти обстоятельства и основываясь на статье шестой Договора 1921 года¹⁰, советское правительство, – заявил заместитель главы совнаркома и народный комиссар иностранных дел СССР, – оказалось вынужденным ввести на территорию Ирана свои войска»¹¹.

Мрачные мысли, обуревавшие посла всю дорогу в Кремль, подтвердились. От дипломатического давления и ультимативных требований Москва, как и обещала, перешла к силовым действиям. Саеду стало очевидно, что пойдя ва-банк, иранские власти проиграли, что все попытки Тегерана выиграть время, уйти от требуемых союзными державами практических действий по депортации немцев оказались тщетными. Между тем хозяин кремлевского кабинета посчитал необходимым продолжить разговор и несколько смягчить сказанное. «Разумеется, – подчеркнул Молотов, – эти меры являются временными и они не направлены против иранского народа, территориальной целостности и государственной независимости Ирана. По миновении (так в записи беседы. – Ю. Г.) опасности, угрожающей интересам СССР и самого Ирана, советские войска будут из Ирана выведены»¹².

Саед свободно владел русским языком. Поддавленный услышанным, он не стал дожидаться перевода. В ответ на заявление советского наркома, сознавая всю судьбоносность момента для своей страны, иранец попытался оправдать политику своего правительства. Посол стал уверять Молотова в том, что никогда и никакая третья держава не находила в Иране почвы для враждебной деятельности против СССР, так как иранское правительство всегда стремилось поддерживать дружеские отношения с Советским Союзом. «Кто бы ни был союзником СССР, – пафосно продолжил иранский дипломат, – Иран всегда проводил дружественную политику в отношении советского правительства»¹³. Так было, когда союзником СССР была Германия, и так продолжается и теперь, когда союзником СССР стала Англия. «Что касается Англии, – добавил Саед, – то она уже двадцать лет питает вражду к Ирану за то, что была в свое время изгнана из Ирана». Высказав все это на одном дыхании, посол подытожил: «Ввод войск в Иран ничем не оправдывается». И для того чтобы придать некий вес последней фразе, Саед, правда, оговорившись, что не имеет еще директив своего правительства, лично от себя заявил протест¹⁴.

Молотов проигнорировал протест и продолжил аргументировать советскую позицию. «Господину послу, наверное, известна, – с легкой иронией произнес нарком, – статья 6-я советско-иранского договора 1921 г., на основании которой в данный момент действует СССР. И поскольку теперь стало необходимым применение этой статьи, то было бы желательно, чтобы посол повлиял со своей стороны на мирный исход связанных с этим мероприятий советского правительства»¹⁵. То есть Молотов, как бы не замечая возбужденного состояния собеседника, предложил ему не просто принять как должное намеченный ввод войск, но оправдать этот шаг в глазах собственного руководства.

Выдержка изменила маститому иранскому дипломату. Он прервал наркома и попытался

убедить собеседника приостановить ввод войск, обещая немедленное выполнение всех советских требований. Более того, Саед взял на себя ответственность и без всякого согласования с Тегераном заверил высокопоставленного собеседника, что «через две недели ни одного немца в Иране не будет и все пожелания советского правительства в этом отношении будут выполнены»¹⁶.

Молотов, отличавшийся редким хладнокровием, не изменил себе. Он никак не отреагировал на эмоциональный всплеск собеседника. Ему было очевидно, что иранец явно вышел за пределы своих полномочий и готов обещать, что угодно лишь бы изменить решение Кремля. Поэтому нарком завершил изложение позиции Москвы, обратив внимание Саеда, что «дело тянется с июня, однако, никаких мер со стороны правительства Ирана до сих пор не принято, и советское правительство не может дальше терпеть такое положение в момент, когда СССР вынужден вести тяжелейшую войну против напавшей Германии»¹⁷.

Саед, тем не менее, попытался все же повлиять на Молотова. Ссылаясь на данные правительством Ирана заверения советскому правительству, он начал пространно говорить о том, что советская нота о выдворении немцев была вмешательством во внутренние дела Ирана. Лучше было бы договориться в дружественной форме, и тогда иранское правительство, конечно, выполнило бы пожелания Москвы. Об этом Саед уже говорил заместителю наркома Деканозову, но его предложения не были приняты.

Молотов не смог не отреагировать на эту, не лишённую демагогического налета, фразу. Он напомнил собеседнику, что еще в самом начале советско-германской войны он лично говорил об этом с послом¹⁸, но тот предпочел отделаться тогда пустой фразой, и поскольку последние наши предложения в Иране также не дали никаких результатов, советское правительство и решило воспользоваться правом, предоставленным ему советско-иранским договором 1921 г.¹⁹

В связи с тем что Молотов упомянул договор 1921 г. в качестве правовой основы ввода войск, Саед с ходу попытался предложить такое его толкование, которое выхолащивало ключевую 6-ю статью и сводило ее появление в тексте документа к сугубо политическому контексту начала двадцатых годов. Так, он заявил, что упоминаемый договор был заключен не против Ирана, а что он был заключен в его интересах и был направлен против Англии. По этому договору Советский Союз помог Ирану в выдворении англичан, а сейчас получается, сокрушался Саед, что эта 6-я статья так истолкована советским правительством, что она оказалась направленной против Ирана²⁰. Утверждая это, Саед, конечно, прекрасно знал, что никакого упоминания Англии в договоре не было, и в этом смысле норма, зафиксированная в 6-й статье, носила универсальный характер и не предполагала исключительно избирательного

применения. Другое дело, что можно было подскутировать относительно применимости словосочетание «путем вооруженного вмешательства» ко второму основанию для использования Советским Союзом силы, упомянутого в 6-й статье договора. Там говорилось о случаях, когда будут «иметь место попытки (путем вооруженного вмешательства или просто попытки? – Ю. Г.)... превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России»²¹. Но в тот момент посол оказался к этому почему-то не готов, хотя и так понятно, что любые споры о толковании договора ни к чему бы уже не привели. Приказы были отданы, и советская военная машина была запущена...

Естественно, что Молотов не мог не прокомментировать попытку дать такое ограничительное толкование договора и интерпретировать предпринимаемые Советским Союзом меры как враждебные Ирану. С готовностью согласившись с Саедом, что договор 1921 г., бесспорно, отражает интересы Ирана, он привлек его внимание к тому, что это договор отражает также и интересы СССР против третьих стран. Именно в этом заключается смысл этого договора, подчеркнул советский нарком. Саед ничего не возразил на это замечание Молотова. Он лишь произнес как заклинание фразу: «Приостановите ввод войск, иранский народ в дружбе с вами»²².

Услышав упоминание о народе, Молотов сменил тон. Он согласился с тем, что иранский народ действительно дружественно относится к Советскому Союзу, чего в последнее время нельзя сказать о правительстве Ирана. И еще раз заверил посла, что как только минует необходимость, советское правительство выведет свои войска из Ирана²³.

Однако сказанное не устроило посла. Саед вновь стал просить Молотова приостановить ввод войск. Он еще раз заявил, что он как посол гарантирует выполнение всех пожеланий советского правительства. Как ему, Саеду, известно, Советскому Союзу нужно было разрешить два вопроса: транзит товаров из США и Англии через Иран и выдворение немцев из Ирана. Оба эти вопроса можно было бы решить в дружеской форме.

На это Молотов резонно возразил, что иранское правительство не решило положительно ни одного поставленного Москвой вопроса о немцах. В этой связи, напутствовал собеседника советский нарком, «мое пожелание послу принять все зависящие от него меры к тому, чтобы предпринятый советским правительством временный ввод войск в Иран с целью лишь ограждения интересов СССР и Ирана, закончился мирным путем»²⁴.

На этом собеседники и завершили полную драматизма и не очень приятную для них тридцатиминутную встречу²⁵.

Практически в это же самое время в Тегеране происходили не менее значимые события. В пред-рассветной мгле к особняку иранского премьер-

министра одновременно подъехали два дипломатических лимузина советского посла А. Смирнова и британского Р. Булларда. Дипломатов немедленно проводили в гостевые апартаменты. Спустя некоторое время к ним вышел А. Мансур. После приветствий нежданные гости сразу же напомнили премьеру, что иранские власти проигнорировали ноты их правительств с настоятельными пожеланиями существенно сократить немецкое присутствие в стране. К сожалению, теперь, заявили дипломаты, у их правительств не осталось выбора: они решили применить силу.

Пришедший в себя после понятного замешательства иранский премьер попытался убедить послов, что все еще можно уладить, если войска будут остановлены. Однако Смирнов и Буллард сослались на то, что не имели полномочий вести переговоры. Вручив ноты своих правительств, они попрощались и ушли²⁶.

В это время войска союзников пересекли иранские границы, советские – в Закавказье, британские – на юге и западе Ирана. Совместная военная акция началась.

Примечания

- ¹ См.: *Арабаджян З. А.* Иран : противостояние империям (1918–1941). М., 1996 ; *Голуб Ю. Г.* Иран в фокусе политики великих держав. 1941–1943. Саратов, 2015 ; *Казем-заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М., 2004 ; *Оришев А. Б.* Политика нацистской Германии в Иране. СПб., 2005 ; *Юнгблуд В. Т., Чучкалов А. В.* Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров, 2011.
- ² Мохаммед Саедоль-Везаре Марагеи – профессиональный дипломат и политический деятель. Родился в г. Мераге в Иранском Азербайджане в купеческой семье. Источники чаще всего приводят 1883 г. как дату рождения, хотя в них встречается и 1881 и 1885 годы. Детство и юность провёл в Закавказье, учился в Тифлисе, Санкт-Петербурге, а затем в Швейцарии. Дипломатическую карьеру начал в иранских представительствах в российском Закавказье. С 1905 по 1918 г. занимал посты секретаря консульства, вице-консула и консула в Батуми, Баку и Тбилиси. В 1920–1922 гг. – иранский посланник при Азербайджанском советском правительстве, а после образования СССР – генеральный консул в Баку. В 1926 г. был назначен советником посольства в Турции, где в течение 1928–1930 г. выполнял обязанности поверенного в делах. В 1930 г. – директор департамента МИД Ирана, ведавшего делами СССР и Турции. В 1931–1933 гг. – вице-губернатор в Резае (Иранский Азербайджан). В 1933 г. – советник посольства, а с 1934 г. – поверенный в делах в Москве, в 1936–1937 гг. – посланник в Италии, в 1938–1942 гг. снова в Москве теперь уже в ранге посла. Именно М. Саед в июне 1941 г., когда немецкие войска вторглись в СССР, по поручению шаха в своей вербальной ноте в НКВД СССР заявил о полном нейтралитете своей страны. К тому времени посол М. Саед был

дуайеном, то есть главой дипломатического корпуса в Москве. Им становился старший по дипломатическому классу и по времени аккредитования в стране дипломатический представитель.

После возвращения из Москвы возглавил министерство иностранных дел Ирана. История сохранила официальную фотографию встречи И. В. Сталина с шахом Реза Пехлеви в Тегеране в ноябре 1943 г., на которой рядом с советским лидером стоит министр иностранных дел М. Саед. Он дважды был премьер-министром Ирана в 1944 г. и в 1948–1950 гг. Умер в 1973 г. в Тегеране. В 1994 г. вышли в свет мемуары М. Саеда. См.: *Truhart P.* Regents of Nations. Part 3 : Asia and Pacific Oceania. *De Gruyter*, 2003. P. 854–855 ; *Abrahamian E. A.* History of Modern Iran. Cambridge University Press, 2008. P. 101 ; *Banani A.* The Modernization of Iran, 1921–1941. Stanford University Press, 1961. P. 48–49 ; *Gholam G. R.* The Life and Times of the Shah. University of California Press, 2008. P. 67 ; Дипломатический словарь. М., 1948.

- ³ *Cassidy H. C.* Moscow dateline, 1941–1943. Boston, 1943. P. 200–201.
- ⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы : в 3 т. Т. 1. М., 1946. С. 537.
- ⁵ *Stewart R. A.* Sunrise at Abadan : the British and Soviet invasion of Iran, 1941. N. Y., 1988. P. 85–86.
- ⁶ Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1941. Vol. 3. Washington, 1959. P. 400.
- ⁷ В. М. Молотов, 30 июня 1941 г. назначенный заместителем председателя Государственного Комитета Обороны, с секретариатом и небольшой группой дипломатов работал в Кремле. См.: Очерки истории Министерства иностранных дел России. 1802–2002 : в 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 276. Как свидетельствует В. М. Бережков, бывший в годы войны помощником Молотова, служебные апартаменты последнего находились на втором этаже здания Совнаркома, там же, где и кабинет Сталина. См.: *Бережков В. М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 349.
- ⁸ Документы внешней политики (далее – ДВП). 22 июня 1941 – 1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 256–259.
- ⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 1.
- ¹⁰ 6-я статья советско-иранского договора 1921 г. гласила: «Обе Высокие Договаривающиеся Стороны согласны в том, что в случае, если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, если при этом будет угрожать опасность границам Российской Социалистической Федеративной Советской Республики или союзных ей держав и если Персидское Правительство после предупреждения со стороны Российского Советского Правительства само не окажется в силе отратить эту опасность, Российское Советское Правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранению данной опасности Российское Советское Правительство обязуется немедленно вывести свои

войска из пределов Персии». См.: Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях : сб. документов. М., 1946. С. 76.

¹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 1.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ Молотов, безусловно, знал цену таким заверениям. Даже если допустить, что Саед не знал о том, что в конце января 1940 г. его коллега в Лондоне М. Моггадам предложил Форин Офис образовать тайный союз против Советского Союза, и что одновременно в Тегеране военный министр конкретизировал британскому военному атташе это предложение, заявив, что «пришло время для Ирана и Великобритании координировать... планы для войны против России». См.: *Stewart R. A.* Op. cit. P. 16–17. За год до встречи с Молотовым 25 августа 1941 г. сам Саед оказался в центре серьезного дипломатического инцидента, связанного с публикацией Берлином секретных документов французского правительства. Они оказались в распоряжении немцев после капитуляции Франции и касались в том числе роли Ирана в англо-французских планах относительно Советского Союза. 5 июля 1940 г. Москва жестко отреагировала на это. В главных официозах страны газетах «Правда» и «Известия» были напечатаны статьи, соответствующим образом прокомментировавшие опубликованные в Берлине документы. Тегеран почувствовал себя очень неуютно. Как сообщал в связи с этим в свой МИД посол Германии в Москве Ф. Шуленбург, «в здешних иранских кругах негодование против нас велико из-за публикаций шестой “Белой книги”». См.: Оглашению подлежит : СССР – Германия. 1939–1941 : Документы и материалы. М., 1991. С. 206. В связи с этим посол Саед был вынужден оправдываться и всячески пытаться замаять скандал. Уже в день появления статей в советской печати он обратился с личным письмом к главе советского правительства Молотову. В письме он выразил сожаление по поводу публикации статей и отметил, что преданные гласности в Берлине документы не дают оснований называть позицию Ирана «странной и двусмысленной». Саед, подчеркнув в письме Молотову, что «иранское правительство всегда искренне проводило и проводит свою дружественную политику к СССР» (знакомый оборот, не правда ли. – *Ю. Г.*) и никогда не принимало ни прямого, ни косвенного участия в каких-либо комбинациях против СССР, назвал опубликование этих статей «результатом прискорбного недоразумения». Это же он счел возможным повторить от имени своего правительства и на встрече с заместителем наркома иностранных дел С. А. Лозовским 9 июля 1940 г. См.: ДВП. 1940 – 22 июня 1941. Т. XXIII : в 2 кн. Кн. 1. М., 1995. С. 436.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 2–3.

¹⁸ Речь идет о беседе В. М. Молотова с М. Саедом 24 июня 1941 г. В тот день в связи с нападением Германии нарком приглашал к себе зарубежных послов и в числе первых вызвал Саеда. Молотов попросил дипломата сообщить «о позиции иранского правительства по отношению к войне между Германией и Советским Союзом», и в связи с этим высказал озабоченность тем, что «в Иране имеется много немцев». Саед ответил, что «иранское правительство старается избавиться от них». Он также добавил, что «во всяком случае, иранское правительство примет меры, чтобы эти немцы не сделали ничего в ущерб интересам СССР». См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 5. П. 1. Л. 25. Спустя два дня, 26 июня, в развитие темы немецкого присутствия в Иране, угрожавшего интересам СССР, иранскому посольству была вручена специальная нота.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 3.

²⁰ Там же.

²¹ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. С. 76.

²² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 3.

²³ Там же. Л. 4.

²⁴ Там же.

²⁵ На следующий день В. М. Молотов получил по почте письмо от М. Саеда. Формально в соответствии с дипломатической практикой посол письменно подтверждал получение накануне ноты советского правительства. Фактически же в письме Саед продолжил отстаивать свою позицию и защищать интересы своей страны. Он снова выразил свое несогласие с советской «неправильной интерпретацией 6-й статьи» советско-иранского договора и, главное, с правомерностью ее применения к ситуации, сложившейся в Иране к 25 августа. В связи с этим посол просил приостановить продвижение воинских соединений на территории Ирана и происходившие столкновения с иранскими войсками, дать иранским властям срок до 15 сентября для высылки опасных элементов и после этого отвести части Красной армии за линию государственной границы. См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. Д. 201. П. 16. Л. 5–8.

²⁶ *Bullard R.* The camelsmustgo : Anautobiography. L., 1961. P. 227 ; *Stewart R. A.* Op. cit. P. 107–108. Спустя несколько часов, учитывая разницу во времени, в Лондоне был предпринят аналогичный демарш. См.: *Majd M. G.* August 1941 : The Anglo-Russian Occupation of Iran and Change of Shahs. N. Y., 2012. P. 203–204.